

ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович [22 II (5 III) 1703, Астрахань — 6 (17) VIII 1768, Петербург; похоронен на Смоленском кладбище; могила не сохр.]. Сын и внук священника; семья переехала в Астрахань из Вологды в 1697. Родители, жена Федосья (дочь сторожа губернской канцелярии) и все родственники, за исключением сестры Марии, умерли во время эпидемии чумы 1727—1728. Отец обучил Т. грамоте, а ок. 1713—1715 он поступил в недавно открытую в Астрахани монахами-капуцинами школу, где под руководством ит. миссионеров изучал «словесные науки», латынь, церковное пение. В старших классах Т. изучал и церковнослав. язык: в сент. 1721 он переписал «Грамматику, или писменицу славенскую» с издания 1638 (ГИМ, собр. Черткова, № 337); в рукописи сохранились предисловие и силлабическое четверостишие о духовной пользе чтения — самые ранние произведения Т.

В февр. 1722 Т. подал прошение о выдаче ему паспорта для поездки в Киев, где собирался продолжить образование в Киево-Могилянской академии, но отъезд не состоялся. Летом 1722 школу капуцинов посетил Петр I и, по поздним воспоминаниям Т. (вероятно, апокрифическим), назвал его «вечным тружеником». Тогда же Т. познакомился с *И. Ю. Ильинским* и *А. Д. Кантемиром*, к которым сохранил уважение на всю жизнь.

В нач. 1723 Т. отправился в Москву, возможно не желая унаследовать место отца и стать священником; сам он позднее объяснял свой отъезд «охотой к учению». Вероятно, Т. ехал в обозе Д. К. Кантемира, возвращавшегося с семьей в Москву. Весной 1723 Т. был проэкзаменован префектом Славяно-греко-лат. академии Гедеоном Грембецким и принят своекоштным учеником в класс синтаксисы; в сент. 1723 перешел в класс поэтики; в 1724 — в класс риторики. В Академии его учителем поэтики и риторики был иеромонах Софроний Мигалевич, но Т., вероятно, был знаком и с др. преподавателями, в т. ч. и с вернувшимися из Парижа *И. С. Горлицким*, *И. И. Каргопольским* и *Т. П. Постниковым*; среди однокашников Т. были *В. Е. Адодуров* и *П. Т. Суворов*. В Академии Т. написал две пьесы: «Язон» и «Тит, Веспасианов сын» (обе не сохр.). Вероятно, это были школьные панегирические пьесы, посвященные Петру I, которые были поставлены на сцене Академии. 20 марта 1725 Т. принял участие наряду с ректором и преподавателями в торжественной панихиде по Петру I в Академии и написал для нее несколько стихотворений на латыни, в т. ч. «*Elegia post obitum serenissimi augustissimique Petri Magni Rossorum monocratorisque clementissimi*» (список: ГИМ, № 36507/ 3434; сделанный тогда же перевод на рус. язык опубл. в 1730 под загл. «Элегия о смерти Петра Великого»). Осенью 1724 Т. начал перевод од с лат. языка политический аллегорический роман Д. Баркляя «Аргенида» (1621) и закончил работу, переведя стихотворные вставки стихами, осенью 1725 (автограф: ЦНБ Украины, собр. Киево-Печерской лавры, № 335 п/226). С переводом ознакомились преподаватели и, по словам Т. в «Предуведомлении» ко второму переводу «Аргениды» (1751), «не так были им недовольны, чтоб его всеконечно и совершенно ни к чему годным почли».

В кон. дек. 1725 вместе с преподавателем Академии Иеронимом Колпецким, назначенным священником посольской церкви в Гааге, Т. отправился в Петербург (скорее всего, под видом служителя), а в нач. 1726 выехал вместе с ним и графиней Д. М. Головкиной в Голландию. В Гааге Т. жил в доме посланника гр. И. Г. Головкина и за полтора года выучил фр. язык. В нояб. 1727 он пешком «за крайнюю уже свою бедностью» отправился в Париж и добрался туда в дек. В Париже Т. поселился в доме посланника кн. А. Б. Куракина, к которому

имел рекомендательное письмо от Головкина. Т. стремился попасть в Париж, движимый желанием продолжить образование: в Парижском ун-те он посещал лекции по математике и философии (по его словам, слушал Ш. Роллена), в Сорбонне изучал богословие; в университете держал публичный диспут и получил об этом аттестат с подписью ректора (сгорел в пожаре 1747). В Париже Т. стал писать стихи на фр. языке, но преимущественно посвящал все свое время учебным занятиям и изучению фр. литературы. В дек. 1727 он подал прошение в Синод с просьбой назначить ему жалованье, но Славяно-греко-лат. академия заявила, что он не был отправлен за границу, а уехал самовольно, поэтому прошение осталось без последствий. Во Франции (а затем и в Германии) Т. жил на хлебах Куракина, который в июле 1728 уехал в Россию и через год был назначен посланником в Берлин. Куракин поручил ему сопровождать свое имущество из Парижа в Гамбург, куда Т. прибыл в нач. нояб. 1729 и пробыл там до авг. 1730. Не имея особых занятий, Т., по его словам, «со скуки пропадал». По совету Куракина он занялся переводом и остановился на полюбившемся ему еще в Париже аллегорическом романе П. Тальмана «*Le voyage de l'isle d'Amour*» (1663), названном в переводе «Езда в остров Любви». Работа над переводом романа, в прозу которого вкраплены стихотворения, была завершена за один месяц.

В сер. авг. 1730 Т. отплыл из Гамбурга в Петербург, сопровождая имущество Куракина, назначение которого в Берлин было отменено, и в сент. вернулся в Россию. В Петербурге он поселился на казенной академической квартире Адодурова, который рассчитывал на помощь Т. в усовершенствовании своего фр. языка; они обсуждали также вопросы развития рус. литературного языка (обоим была близка идея ориентации на устную речь) и рус. литературы (Адодуров познакомил его с лат. одой *Феофана Прокоповича* Петру II 1727, которая привела Т. в восторг).

По прибытии в Петербург Т. активно включился в литературную жизнь. Видимо, уже в сент. 1730 вышли отдельным изданием с нотами «Песнь» на коронацию Анны Иоанновны (она была написана для торжеств в честь коронации, устроенных в Гамбурге рус. посланником И. Ф. Беттингером 11 авг. 1730) и перевод с лат. стихов (вероятно, авторства Т.-З. Байера) португ. инфанту Эммануилу; это были первые выступления Т. в печати. Одновременно он стал готовить к изданию «Езду в остров Любви», которая вышла из печати в кон. года (изд. в Акад. типографии с посв. А. Б. Куракину и, видимо, за его счет). Книга Т. оказалась новаторской на фоне современной рус. литературы не только своей темой «сладкия любви», но и демонстративным отказом переводчика в предисловии от «глубокословной славянщизны» (т. е. от церковнослав. языка): «Я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». Эта языковая концепция, усвоенная Т. во Франции, имела большие последствия для становления рус. литературного языка в XVIII в. Т. дополнил перевод разделом «Стихи на разные случаи» из 32 стихотворений (18 на фр. яз.), включавшим, видимо, большую часть написанного им к тому времени в стихах; сюда вошли не только стихи о любви, но и «Элегия о смерти Петра Великого», «Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие край», «Стихи похвальные России», «Описание грозы, бывшая в Гаге», «Стихи похвальные Парижу», «Стихи эпиталамические на брак» А. Б. Куракина, «Песнь» на коронацию Анны Иоанновны и др.

Нач. 1731 Т. провел в Москве (жил у А. Б. Куракина, а затем у дипломата С. К.

Нарышкина), пожиная плоды шумного успеха «Езды...». Книга была хорошо принята дворянской молодежью и придворными (Т. надеялся быть представленным императрице, что состоялось в янв. 1732), но у ряда читателей вызвала осуждение, особенно у духовенства, посчитавшего Т. «развратителем юношества». Несмотря на его резкие высказывания в письмах И.-Д. Шумахеру о части московского духовенства («святоши», «ханжи»), он посетил Славяно-греко-лат. академию и встретился с ректором Германом Копцевичем и архимандритом Платоном Малиновским, которые после рассказов Т. об изучении им в Париже философии заподозрили его в атеизме.

С осени 1730 Т. числился студентом при Академии наук (круг обязанностей неясен) и занимался работами литературного характера: написал «Речь поздравительную ее императорскому величеству по благополучном ее прибытии в Санкт-Петербург» (янв. 1732), эпиграмматическую надпись по случаю представления императрице, «Панегирик, или Слово похвальное» Анне Иоанновне (оба произв. — февр. 1732; в отд. изд. «Панегирика...» также включены «Стихи ее высочеству Екатерине Иоанновне...», сестре императрицы); правил перевод с фр. книги П.-С. де Сен-Реми «Мемории, или Записки артиллерийские» (1732) и др. В 1733—1735 Т. перевел с фр. более 30 ит. комедий и интермедий, представленных при дворе и тогда же опубликованных (переизд. 1917). Работая в Академии наук, он не порывал давних связей с духовной средой, встречался с Феофаном Прокоповичем (по просьбе которого прочел вслух сатиру Кантемира), с архимандритами Платоном Малиновским, Петром Смеличем, читал им свои произведения и исполнял духовную музыку своего сочинения.

14 окт. 1733 Т. был принят в штат Академии наук на должность секретаря (вероятно, введенную специально для него). По контракту он должен был «вычищать язык русский, пишучи как стихами, так и не стихами», а также работать над составлением грамматики, словаря, читать лекции и переводить с фр. языка на русский «все, что ему дастся».

В 1732—1734 Т. перевел ряд стихотворений Г.-В.-Ф. Юнкера, И. Фабри, Ж. де Барро с лат., фр. и нем. языков (опубл. в «Примеч. на Вед.» или отд. изд.). В июле 1734 он издал при Академии наук «Оду торжественную о сдаче города Гданска...», посвященную фавориту императрицы Э.-И. Бирону; вероятно, по этой причине все тексты в издании напечатаны на рус. и нем. языках (пер. на нем. язык был выполнен Юнкером). В этой оде, образцом для которой послужила ода Н. Буало «На взятие Намюра» (1693), Т. впервые ввел одическую десятистрочную строфу. Издание оды сопровождалось первым литературно-теоретическим трактатом Т. — «Рассуждение о оде вообще», в котором он дал определение не только самого жанра, но и «поэтического восторга», используя ряд положений «Рассуждения об оде» Буало (1693).

Наметившаяся в стихотворных переводах Т. нач. 1730-х гг. тонизация рус. стиха (возможно, под нем. влиянием) нашла продолжение в его собственной поэтической практике: уже в марте 1734 появился первый образец тонического размера в четверостишии (опубл.: Примеч. на Вед. 1734. 4 марта. № 18), примененного Т. и в стихотворной надписи новому президенту Академии наук барону И.-А. Корфу. Свои теоретические размышления Т. изложил в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (изд. осенью 1735). Заявив, что в силлабическом стихе нет ничего стихотворного, Т. сослался на опыт рус. народной поэзии и просодические особенности рус. языка. Он предложил упорядочить силлабический стих, введя

«правило падения стопами» («стопа» — термин Т.). Предложенное им правило чередования ударных и безударных слогов затрагивало только двусложные стопы, но исключало трехсложные и распространялось на основные силлабические размеры (тринадцати- и одиннадцатисложник). Сам Т. не только стал писать стихи в соответствии со своей теорией, но и взялся переделывать свои старые, силлабические по новому способу. В «Новом и кратком способе...» он предложил также образцы разных поэтических жанров (сонет, рондо, эпистола, элегия, ода, мадригал). Хотя трактат Т. через несколько лет вызвал критику как со стороны сторонников силлабики («Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» Кантемира, 1743), так и со стороны сторонников тоники («Письмо о правилах российского стихотворства» М. В. Ломоносова, 1739), у него появились последователи: С. Витинский, П. Суворов, М. Г. Собакин, А. П. Сумароков (первые оды).

В 1735 по распоряжению Корфа при Академии наук было образовано Рос. собрание, в состав которого вошли Т., Адодуров, М. Шванвиц, И. И. Тауберт; в заседаниях принимали участие и др. сотрудники Академии (Ильинский, Горлицкий). На открытии Собрания 14 марта Т. выступил с «Речью о чистоте российского языка» (1735), в которой изложил обширную программу работы, не ограничивающуюся только обсуждением переводов. По мысли Т., члены Собрания должны были трудиться над совершенствованием рус. языка — составлением грамматики, риторики и словаря, придерживаясь традиций Французской академии и Нем. о-ва в Лейпциге. Речь свидетельствовала и об изменении лингвистической концепции Т.: теперь он призывал ориентироваться на языковое употребление двора, дворянства и духовенства. Хотя Рос. собрание в нач. 1740-х гг. прекратило свою деятельность, его работа во многом предвосхитила создание Рос. Академии.

Вторая пол. 1730-х гг. — время наибольших успехов Т. Он стал признанным авторитетом в области литературных проблем, продолжал переводить по поручению Академии панегирические стихотворения и оды таких авторов, как Я. Я. Штелин (1736—1737) и М. Меттер (1737), ит. интермедии, перевел с фр. языка стихами без рифм первую представленную в России оперу «Сила любви и ненависти» Ф. Прата (1736) и др. По поручению президента Академии наук Т. в 1736 перевел «Военное состояние Оттоманской империи» Л.-Ф. Марсилли (изд. 1737; 4-е изд. 1787), а также представил в Академию переведенную им по своему почину с фр. языка «Истинную политику знатных и благородных особ» Н. Ремонда де Кура (Т. полагал, что ее автором был Ф. Фенелон) и просил издать ее за свой счет (изд. в нояб. 1737; 3-е изд. 1765). В 1736 пожар уничтожил имущество Т., и он оказался в больших долгах, а продажа «Истинной политики...» не принесла прибыли. В янв. 1738 он дважды обращался в Акад. канцелярию с просьбами о вспомоществовании, но ему было отказано. В февр. Т. испросил себе годовой отпуск и уехал в Белгород к архиепископу Петру Смеличу, своему давнему знакомому, взяв на себя обязательство к концу отпуска перевести т. 1 «Древней истории» Роллена. Через год он вернулся в Петербург с готовым переводом (изд. 1749) и затем до самой кончины занимался переводом и изданием сочинений Роллена.

По возвращении в Петербург в февр. 1739 Т. переводил только прозаические сочинения, в т. ч. «Слово» епископа *Амвросия Юшкевича* на бракосочетание принцессы Анны Леопольдовны с герцогом Брауншвейгским Антоном-Ульрихом (на лат. язык; изд. в том же году). С 1739 Т. уже не поручали переводов академических стихотворений, но он оставался

авторитетом в области поэзии, поэтому, когда в янв. 1740 в Академию наук пришло из Германии «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова, то именно Т. как секретарь Рос. собрания вызвался написать ответ. 11 февр. он завершил ответ на «Письмо...» и подал его в Акад. канцелярию, однако Тауберт и Адодуров решили «сего учеными спорами наполненного письма, для пресечения дальних, бесполезных и напрасных споров», Ломоносову не посылать. Осенью 1743 Т. забрал из Канцелярии свой отзыв (не сохр.). Эта неудача совпала по времени с одним из самых трагических эпизодов в его биографии: 4 февр. он был доставлен к А. П. Волынскому и жестоко избит, после чего был вынужден сочинить непристойные стихи для «дурацкой свадьбы» кн. М. А. Голицына и Е. И. Бужениновой. Т. пытался жаловаться Бирону, но был вновь избит Волынским и провел два дня под стражей, а затем, обряженный в шутовской наряд, 6 февр. читал на свадьбе свои стихи. После побоев Т. болел и даже сделал предсмертные распоряжения своему духовнику Иоанну Комаровскому. Жалоба Т. на Волынского не имела последствий, но после падения Волынского и повторного прошения Т. ему было выплачено в нояб. 1740 из имущества казненного временщика 360 руб. за нанесенное бесчестье. Это унижение рус. поэта попало в карикатурном виде в роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835), что вызвало резкое возражение А. С. Пушкина, назвавшего Т. «мучеником».

С февр. 1742 Т. по именному указу провел в Москве почти весь год и состоял при фр. посланнике маркизе Ж.-Ж. де ла Шетарди, выполняя в т. ч. обязанности переводчика. В марте он обратился в Акад. канцелярию с просьбой напечатать за свой счет оду на коронацию Елизаветы Петровны (изд. в апр.), которую он написал по совету кн. А. Б. Куракина.

В нояб. 1742 Т. женился в Москве на дочери протоколиста Оренбургской комиссии Марье Филипповне Сибилевой. И женитьба, и необходимость заботиться о вдовой сестре вынуждали его упрочить свое положение в Академии наук. Однако когда он вернулся в Петербург, в Академии было в разгаре следствие по делу отстраненного от должности Шумахера и в февр. 1743 Т. пришлось подать доношение о его деятельности, довольно сдержанное в оценках. В 1743—1744 Т. неоднократно обращался в Академию наук с тщетными просьбами о назначении его профессором элоквенции, затем, заручившись поддержкой членов Синода, подал прошение в Сенат. 25 июля 1745 он получил звание профессора (одновременно с Ломоносовым), упрочившее наконец его положение в Академии.

С появлением в печати первых од Сумарокова (1740) и возвращением в Россию Ломоносова (1741) литературная жизнь в Петербурге оживилась, между тремя поэтами установились творческие и вполне дружеские отношения. Летом 1743 между ними возник спор о семантике стихотворных метров (Т. отрицал мнение Ломоносова о том, что стихотворные размеры изначально обладают определенной семантикой). По предложению Сумарокова спор принял форму состязания, результатом которого стала подготовленная Т. книга «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев» (напеч. в дек. 1743, вышла в свет в нач. 1744). В издание вошло предисловие Т. и три переложения псалма. Т. выполнил свое переложение хореем, два др. участника — ямбом (в предисловии участники поименованы, а переложения напечатаны без указания авторства). После выхода «Трех од парафрастических...» пути поэтов разошлись, а к кон. 1740-х гг. отношения между ними испортились окончательно и перешли в ожесточенную полемику о первенстве в создании новой рус. поэзии и

реформировании рус. стихосложения. С сер. 1740-х гг. Т. отходит от поэзии и сосредоточивается на переводах и филологической работе.

Параллельно с подготовкой «Трех од парафрастических...» Т. держал корректуру вышедшего в нач. 1744 издания «Квинта Горация Флакка Десять писем первой книги» в переводе Кантемира, куда вошло и его «Письмо Харитона Макентина...» (рукопись еще в февр. 1743 была передана в Акад. канцелярию генерал-прокурором кн. Н. Ю. Трубецким). Одновременно Т. хлопотал перед Шумахером об издании своего перевода с лат. языка сб. извлечений из сочинений исп. иезуита Хуана Эусебио Ниремберга (Nieremberg; 1595—1658) «Речи краткие и сильные, состоящие в рассуждениях благоразумных, нравоучительных, стоических и общих» (СПбФ АРАН, разд. II, оп. 1, № 67; ориг. — «*Dictamina seu Scita variae doctrinae, politicae, moralis, stoicae, christianae et spiritualis*», 1699), но издание не состоялось. Этот перевод вместе с переводом «Слова о терпении и нетерпеливости» Б. Фонтенеля Т. подавал в Сенат, когда ходатайствовал о звании профессора. С нач. 1745 он добивался издания первых трех томов «Древней истории об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках» Роллена, представленных им в Акад. канцелярию, но решение об издании было получено только в марте 1747, а т. 1 был напечатан в 1749 (т. 10, последний, вышел в 1762; перевод не был завершен, во фр. ориг. 13 томов).

На заседании Акад. собрания 12 авг. 1745, на котором Т. присутствовал уже в качестве профессора лат. и рос. элоквенции, он произнес речь «*De eloquentia*» (окончил чтение на заседании 9 сент.), перевел ее на рус. язык и в кон. года вышло двуязычное издание «Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве» (с посв. М. Л. Воронцову). Во время подготовки нового издания учебника И. Ланге «Школьные разговоры» (1738) в пер. Шванвица Т. занялся грамматическими проблемами рус. языка и в февр. 1746 закончил (сначала на лат., затем на рус. языке) рассуждение «О множественном прилагательных целых имен окончании», в котором оспаривал правописание окончаний имен прилагательных, принятое в Акад. типографии с 1733. С его предложениями не соглашались, против них выступил и Ломоносов, повторив свои доводы в 1755, когда Т. попытался опубликовать доработанный текст статьи в «Ежемес. соч.» (изд. в 1968). Филологические исследования Т. продолжил в пространном «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи» (завершен к маю 1747) — первом научном исследовании фонетической системы рус. языка, в котором он предложил новые правила орфографии, основанной на фонетическом принципе («писать, как звон требует»), а также ряд изменений в рус. азбуке. Первоначально Т. написал свой труд на латыни, затем перевел его на рус. язык и придал форму беседы в духе гуманистических «диалогов» Эразма Роттердамского («*De recta latini graecique sermonis pronuntiatione*», 1528). Уже во время печатания книги, для которой специально отливались некоторые новые литеры и в которой Т. применил на практике свои орфографические принципы, 31 окт. 1747 дом его на Васильевском острове сгорел, а 5 дек. случился пожар в здании Академии наук. В результате пожаров погибла часть тиража т. 1 «Древней истории» Роллена и большая часть «Разговора...» (первые листы находились в типографии). Т. был вынужден заново написать книгу (вышла в сент. 1748 с посв. неизвестным благотворителям, пожертвовавшим на издание). В эти же годы он усердно трудился над историей церковного календаря и в 1747 написал труд «Пасхальный круг, или

Церковное счисление, изобретающее число Пасхи по старому и новому стилю» (с посв. президенту Академии наук К. Г. Разумовскому; списки: СПбФ АРАН, разр. II, оп. 1, № 138; РНБ, собр. СПб. дух. академии, № 240; РГБ, собр. Лукашевича и Маркевича, № 133).

В февр. 1748 Т. был направлен в Новгородскую семинарию и Славяно-греко-лат. академию с поручением отобрать 30 слушателей для дальнейшего обучения в Акад. ун-те (в число отобранных им учеников попали *А. А. Барсов* и *Н. Н. Поповский*). В апр. он вернулся в Петербург и летом приступил к чтению лекций по лат. красноречию, но в февр. 1749 по распоряжению *Г. Н. Теплова* от лекций был освобожден.

С февр. 1748 Т. по поручению К. Г. Разумовского переводил с лат. роман Дж. Баркляя «Аргенида» (первый перевод 1725 был утрачен Т. в 1727), к июлю 1749 перевод был завершен, переписан набело и в февр. 1750 одобрен членами Ист. собрания, однако посв. перевода императрице Елизавете Петровне подверглось критике, и, задетый решением академиков, Т. изъял его из рукописи (изд. в июле 1751, т. 1—2). В обширном «Предуведомлении от трудившегося в переводе» Т. не только изложил историю создания и смысл романа («совершенное наставление, как поступать государю и править государством»), свои принципы перевода стихов и прозы, но и указал, что лат. оригинал ему подарили «новые наши и очевисные Пилад и Орест» (видимо, *И. И. Шувалов* и *И. Г. Чернышев*).

8 окт. 1748 Т. и Ломоносову было поручено рассмотреть трагедию «Гамлет» Сумарокова, представленную автором для печатания в Акад. типографии. Т. дал в целом одобрительный отзыв, отметив стилистические погрешности и грамматические ошибки, а также предложил ряд исправлений на усмотрение автора, которые тот не принял. 12 окт., а затем повторно 9 нояб., Т. и Ломоносову было поручено рассмотреть «Две эпистолы» Сумарокова. В отличие от Ломоносова, оба раза одобрявшего эпистолы, Т. в первый раз указал на недопустимость сатирических выпадов, а во второй вообще отказался одобрить эпистолы, но они были изданы, при этом Сумароков изъял из эпистолы «О стихотворстве» только места, касающиеся Феофана Прокоповича и Кантемира. Раздраженный замечаниями Т. и воспользовавшись снижением его авторитета как в литературной, так и в академической среде, Сумароков вывел его в узнаваемом образе влюбленного ученого-педанта в комедиях «Тресотиниус» (январь; пост. февр. 1750) и «Чудовищи» (июнь; пост. 21 июля 1750), в которых подверг унижительному осмеянию ученость Т., спародировал его любовную лирику и даже высмеял его фонетическую орфографию. После представления «Тресотиниуса» Т., по поручению Теплова, весной 1750 написал направленный против Сумарокова пространный трактат «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» (изд. 1865), где подверг обстоятельной критике недостатки литературной манеры Сумарокова и подражательный характер его творчества, несоответствие его трагедий драматургическим канонам, а также обвинил его в невежестве в вопросах рус. языка, высокомерии и непомерном самолюбии. «Письмо...» не получило распространения, но стало известно Сумарокову, который летом 1750 написал «Ответ на критику» (изд. 1782). Более резко охарактеризовал Т. своего противника в «Предуведомлении» к подготовленному к печати переводу «Аргениды», но в издание этот фрагмент не попал (изъят после просмотра рукописи членами Ист. собрания; кроме того, по требованию Ломоносова исключено упоминание о его «Письме о правилах российского стихотворства»). Полемика с Сумароковым нанесла

непоправимый удар по репутации Т., а выведенные в комедиях Сумарокова образы педантов Тресотиниуса и Критициондиуса повлияли на отношение общества к нему.

29 сент. 1750 императрица именным указом повелела Т. написать трагедию (такое же поручение получил Ломоносов). Т. выбрал сюжет, связанный с событиями Троянской войны, и начал работу над трагедией «Деидамия», взяв за образец «Ифигению в Авлиде» Ж. Расина и поставив своей целью «вложить в зрителей любовь к добродетели, а крайнюю ненависть к злобе». Желая успеть опубликовать трагедию к нач. 1751, Т., по указанию Разумовского, отдавал части (действия) трагедии в типографию по мере готовности, но завершённая трагедия не была ни издана, ни поставлена на сцене, поскольку подверглась острой критике, видимо со стороны членов Ист. собрания (изд. 1775, с пось., «по завещанию сочинителя», А. П. Сумарокову). Но современники читали трагедию в рукописи, и в 1763 *Д. И. Фонвизин* писал сестре о «Деидамии»: «Нет ничего ее смешнее. <...> А стихи ужасно как странны и смешны».

Выход т. 1 «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова (1751), вероятно, подвиг и Т. подготовить свои «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» (1752. Т. 1—2). По замыслу Т., в т. 1 должны были войти оригинальные и переводные труды по теории поэзии, а т. 2 предполагалось посвятить драматургии. Однако состав т. 2 менялся несколько раз, вплоть до самого выхода из печати: из него были исключены на первом этапе трагедия «Деидамия» и переведенная в 1751 для этого издания комедия Теренция «Евнух» в 5-ти д., «от мерзких самых срамословий очищенная стихами», а затем идиллия и эклога, две академические речи 1746 и 1748. В июне 1752 Т. представил в Ист. собрание рукопись т. 1, в который вошли стихотворный перевод «Науки о стихотворении и поэзии» Н. Буало, прозаический перевод «Эпистолы к Пизонам о стихотворении и поэзии» Горация, «Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленный и дополненный», статьи «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» и «Письмо приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии», а также стихотворный перевод эзоповских басен с лат. перевода И. Камерария. В т. 2 вошли «Речь о чистоте российского языка», «Оды похвальные» и «Оды божественные», «Слово о терпении и нетерпеливости» Фонтенеля, «Рассуждение о комедии вообще» и подборка стихотворений разных лет, включая ранние «Строфы похвальные России» и «Плач о кончине государя императора Петра Великого», переведенные Т. из силлабики в силлаботонику. По требованию рецензентов, *Г.-Ф. Миллера* и Тауберта (Т. протестовал против участия Ломоносова, *Н. И. Попова* и *С. П. Крашенинникова* в рассмотрении его труда), из предисловия к изданию были изъяты выпады личного характера против Ломоносова и Сумарокова, после чего рукопись «Сочинений и переводов...» была ими одобрена (духовные оды в июле освидетельствовали иеромонахи *Варлаам Лащевский* и Гедеон Слонимский, занимавшиеся подготовкой издания Елизаветинской Библии 1751). Уже во время печатания т. 2 Т. предложил на рассмотрение тех же рецензентов написанное им осенью 1752 «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели» — развернутое опровержение идей «Рассуждения о науках и искусствах» (1750) Ж.-Ж. Руссо (первый в России отклик на это сочинение). «Слово...» было рассмотрено и одобрено в дек. 1752, поэтому печатание «Сочинений и переводов...» завершилось только в нач. 1753. По своему составу «Сочинения и переводы...» Т. отличались как от «Собрания разных сочинений...» Ломоносова, так и от последующих рус. изданий сочинений одного автора, обычно включавших оригинальные поэтические произведения.

Совокупность оригинальных и переводных трактатов по теории поэзии и перевода, к которым даны многочисленные примеры самого Т., не делала двухтомник систематическим изложением поэтики, тем не менее более полувека «Сочинения и переводы...» Т. оставались единственным в рус. литературе сводом по теории словесности, по которому можно было научиться стихосложению (такую роль они сыграли, напр., для *Г. Р. Державина*).

Опубликованные в «Сочинениях и переводах...» переложения 10 псалмов и 11 библейских песен были плодом начатой Т. в 1750 работы по стихотворному переложению всей Псалтыри (второй опыт в рус. поэзии после Симеона Полоцкого, 1680). Одновременно Т. писал поэму «Феоптия, или Доказательство о богозрении по вещам созданного естества». В огромной богословско-философской поэме (ок. 5000 стихов), значительная часть которой была переложением «Трактата о существовании и атрибутах Бога» (1713) Фенелона, Т. подробно проанализировал важнейшую для европ. Просвещения проблему взаимоотношения религии и науки, веры и знания и решительно выступил за их примирение, обрушившись в предисловии на рационализм и религиозное свободомыслие Б. Спинозы. В дек. 1753 Т. обратился в Синод с просьбой освидетельствовать его переложение Псалтыри, а в нач. 1754 просил рассмотреть и его поэму. Псалтырь освидетельствовал архиепископ *Сильвестр Кулябка*, а «Феоптию...» — епископ Гавриил Кременецкий, которые в янв. — февр. 1755 одобрили оба произведения, не найдя в них «никакой противности церкви святой». С марта 1755 Т. неоднократно обращался в Акад. канцелярию и к президенту Академии с просьбой издать его труды в Акад. типографии за его счет, но под разными предлогами дело откладывалось (в действительности Теплов считал, что их не надо издавать «для убежания стыда Академии»). В апр. 1757 Т. обратился за помощью в Синод и просил напечатать обе книги за его счет в одном переплете «церковным типом, как по всему духовные». 15 апр. 1757 Синод принял решение издать книги на казенный счет в Моск. синод. типографии, куда и были отосланы рукописи. Всю вторую пол. 1758 между Синодом и типографией шла переписка по поводу задержки издания. А. И. Пельский, заместитель *М. М. Хераскова*, директора Моск. синод. типографии, представил в Синод «Выписку о сумнительствах, в Феоптии находящихся» и отметил, что стихи Т. «во Псалтире попремногу не вкусны и солию не растворены». После подробных объяснений Т. Синод вновь потребовал немедленно выпустить издание и объявил Пельскому «реприманд» с наложением штрафа, но Моск. синод. контора определила пересмотреть книги Т. и приложила составленную архимандритом Иоанникием Павлуцким новую выписку «сумнительных и противоречивых статей в Феоптии», на основании которой просила в издании отказать. В сент. 1759 Т. просил Синод вернуть ему рукописи, если издание не может состояться. Хотя Херасков формально не участвовал в составлении отзывов на книги Т., видимо, именно ему, стороннику Сумарокова, принадлежал замысел задержки издания и дискредитации Т.-поэта. Эти крупнейшие стихотворные произведения Т. были изданы только в XX в. («Феоптия» — 1963, «Псалтирь» — 1989).

В 1755 в новом академическом журнале «Ежемес. соч.» Т. напечатал стихотворение «В крайности терпение пользуют» (Февр.), а также статью «Об истине сражения у Горациев с Куриациями, бывшего в первые римские времена в Италии» (Март) и исследование «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (Июнь), которое оставалось вплоть до XX в. единственным цельным очерком истории рус. поэзии XVII — первой пол. XVIII в.; сведения из

него использовал уже *Н. И. Новиков* в своем «Опыте словаря» (1772). Др. материалы Т. (басня, статьи лингвистического характера, пять рассуждений в форме писем «о всей силе нравоучительной философии», возражения на публикации Сумарокова в журнале) в печать не попали. Т. небезосновательно видел в этом происки редактора журнала Миллера и воспринимал это крайне болезненно («я извне замолчал, а внутри раздирался на части»). Последующие его публикации в «Ежемес. соч.» были анонимны: ода «Вешнее тепло» (1756. Май), статья «О беспорочности и приятности деревенския жизни» (1757. Июль), идиллия «Нисса» (1758. Март). С нач. 1750-х гг. Т. все более ощущал себя в творческой изоляции, как в литературной, так и в академической среде, к тому же и поиски покровителей оказались безуспешными («я не столько счастлив, чтоб мне могли найтись защитники», — писал он в 1752). В 1757 ему не позволили чтение лекций по красноречию, его жалобы на притеснения со стороны Теплова и Миллера оставались без последствий, и сам он был вынужден приносить извинения, а затем вновь совершал поступки не всегда благовидного характера (донос 1755 в Синод о несоответствии христианскому канону переложений псалмов Сумароковым, подметное письмо 1755 с обвинениями руководства Академии). После ряда неудач 1755—1757 он слег и в авг. 1757 перестал ходить в Академию. Через год Разумовский потребовал объяснений и прекратил выплату жалованья. Т. объяснял свое отсутствие как болезнями, так и отношением к себе: «Ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожаемый в делах, оуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищем, еще и во нравах оглашаемый <...> всеконечно уже изнемог я в силах к бодрствованию, чего ради и настала мне нужда уединиться». В периоды облегчений («когда попускает слабость») Т. продолжал переводить Роллена и заниматься историческими разысканиями (в окт. 1757 работал над трудом «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских», изд. в 1773), однако 30 марта 1759 он был уволен из Академии по собственному прошению и даже собирался переселиться в Москву. Нужда заставила его давать частные уроки, о чем он дал объявление в «СПб. вед.» (1760. 29 авг. № 69).

В 1759 Т. опубликовал в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» «Сонет» (Март) и статью «О мозаике» (Июнь). Ломоносов был сильно задет статьей и 8 июля жаловался на нее *И. И. Шувалову*, а на сотрудничество давних литературных противников написал эпиграмму «Злобное примирение г. Сум<арокова> с г. Тред<иаковским>».

1760-е гг. Т. полностью посвятил переводческой деятельности, которая всегда особенно занимала его: «...во мне знатно более способности, буде есть некоторая, мыслить чужим разумом, нежели моим», — писал он в 1761. Еще до выхода в 1762 т. 10 «Древней истории» Роллена Акад. типография начала печатание следующего труда Роллена — «Римская история от создания Рима до битвы Актыйския, то есть по окончание Республики» (1761—1767. Т. 1—16), а затем написанной учеником Роллена Ж.-Б.-Л. Кревье «Истории о римских императорах с Августа по Константина» (1767—1769. Т. 1—4) в переводе Т. Несомненно Т. привлекало не только просветительское значение трудов Роллена, но и прославление римской доблести и республиканских добродетелей. Подвижнический труд Т.-переводчика дал рус. читателям обширнейший свод по древней истории, отличавшийся доступным изложением и сравнительно ясным, по сравнению с поэтической его речью, стилем, который оказал влияние на развитие научного стиля рус. прозы. «Древнюю историю» Роллена в переводе Т., по свидетельству *Н. М.*

Карамзина в «Пантеоне российских авторов» (1802), «по сие время читают наши провинциальные дворяне». В многочисленных примечаниях, «предуведомлениях» и прибавлениях к переводным томам Т. печатал свои стихотворные переводы отрывков из древних авторов и материалы, не попавшие в периодику, в т. ч. посвященные нравственной и политической философии. Интерес к философской проблематике определил и появление в переводе Т. с фр. книги Д. Маллета (Mallet; 1705—1765) «Житие канцлера Фрэнсиса Бакона» (1760; в изд. вошло и «Сокращение философии канцлера Франциска Бакона» А. Делера). До конца жизни Т. оставался приверженцем стройной философской системы С. Пуфендорфа, в которой вера и знание не противоречили друг другу, и отвергал новейшие направления в европ. философии. Параллельно с работой над переводом Роллена Т. подготовил стихотворное переложение романа Фенелона «Приключения Телемаха» (1699) и в нояб. 1765 подал прошение в Акад. канцелярию об издании перевода за свой счет. В апр. 1766 вышла из печати «Тилемахида, или Странствование Тилемаха, сына Одиссея, описанное в составе ироическая пиимы» (Т. 1—2; тираж 412 экз.), издание которой Т. оплатил частично гонораром, полученным за составление указателей к т. 1—16 «Римской истории». В обширном «Предызъяснении об ироической пииме», используя «Рассуждение об эпической поэзии» А. Рамзая, Т. рассмотрел предшествующие рус. переводы и показал, что роман Фенелона по глубине и широте своих мыслей является эпосом, а потому он и решил перевести его стихами, разработав для этой цели рус. аналог античному гекзаметру — шестистопный дактилический гекзаметр, и прибегнув к «гомеровским» составным эпитетам и усложненному синтаксису. В соответствии со своим пониманием эпического стиля Т. ввел в стилистику поэмы элементы просторечия и народно-фольклорной речи, а также многочисленные вставки из античных поэтов, создав, т. о., рус. гомеровский стиль. По выходе из печати поэма Т. подверглась уничтожающим насмешкам в журналах «Всякая всячина» (1769), «Смесь» (1769), в сочинениях Сумарокова, Фонвизина, В. В. Капниста, М. Н. Муравьева, И. М. Долгорукова и дискредитации при дворе, причины которой не вполне ясны. Только в кон. XVIII — нач. XIX в. достоинства поэмы были оценены (А. Н. Радищев, Евгений Болховитинов, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский), а мн. стилистические и просодические решения Т. использованы Н. И. Гнедичем при переводе «Илиады».

Последним прижизненным изданием Т. стал перевод книги Вольтера «Опыт исторический и критический о разногласиях церквей в Польше» (1768).

Архив Т. не сохранился, основная часть сочинений и служебных документов хранится в СПбФ АРАН.

Лит.: Куник. Мат-лы для истории Академии наук Ч. 1—2 (1865); Пекарский. История Академии наук. Т. 2 (1873); Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. М.; Л., 1935. [Сб. 1]; Пумпянский Л. В.: 1) Тредиаковский и нем. школа разума // Зап. сб. М.; Л., 1937; 2) Тредиаковский // История рус. лит. М.; Л., 1941. Т. 3, ч. 1; Серман И. З. Неизд. филос. поэма В. К. Тредиаковского // Рус. лит. 1961. № 1; Гуковский Г. А. Тредиаковский как теоретик литературы // Рус. лит. XVIII в.: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964; Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976; Лебедев Е. Н. Филос. поэзия В. К. Тредиаковского // Рус. лит. 1976. № 2; Heithus C. V. K. Trediakovskij und Hamburg // Die Welt der Slaven. 1978. H. 2; Breitshuh W. Die Feoptia V. K. Trediakovskijs: Ein physiko-theologisches Lehrgedicht im Russland des 18. Jahrhunderts. München, 1979; Письма рус. писателей (1980); Алексеев А. А.: 1) Эпический стиль

«Тилемахиды» // Язык рус. писателей XVIII в. Л., 1981; 2) Утраченное соч. Третьяковского // *Judaeo-Slavica et Russica: Festschrift Professor Ilya Serman*. Иерусалим; М., 2004. (Jews and Slavs. Vol. 14); *Шишкин А. Б.*: 1) К истории работы В. К. Третьяковского над «Сочинениями» (неизд. мат-лы) // Рус. лит. 1982. № 3; 2) В. К. Третьяковский: годы ученья // *Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. 1984. Vol. 30; 3) Судьба «Псалтири» Третьяковского // *Tredjakovskij V. K. Psalter 1753 // Besorgt und kommentiert von A. Levitsky*. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989; *Дерюгин А. А.* В. К. Третьяковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985; *Николаев С. И.*: 1) Ранний Третьяковский: (Первый перевод «Аргениды» Дж. Баркляя) // Рус. лит. 1987. № 2; 2) Мат-лы для библиографии сочинений В. К. Третьяковского и лит. о нем (1966—2003): (К 300-летию со дня рождения) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23; *Carrier C.* Tredjakovskij und die «Argenida»: Ein Vorbild, das keines wurde. München, 1991; *Reyftan I.* Vasilii Tredjakovskii: The Fool of the «New» Russian Literature. Stanford, 1994; *Алексеева Н. Ю.*: 1) На пути к реформе рус. стиха: Стихотворные переводы Третьяковского 1732—1734 гг. // Рус. лит. 2002. № 4; 2) Рус. ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII вв. СПб., 2005; 3) Лит. полемика сер. XVIII в. о переводе стихов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24; 4) «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» в творчестве В. К. Третьяковского // Третьяковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб., 2009; *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в рус. поэзии. СПб., 2002; В. К. Третьяковский: К 300-летию со дня рождения: Мат-лы междунар. конф. Санкт-Петербург, 12—13 марта 2003 г. СПб., 2004; В. К. Третьяковский и рус. лит. М., 2005; *Успенский Б. А.* Вокруг Третьяковского: Труды по истории рус. языка и рус. культуры. М., 2008.

С. И. Николаев